

ОБЛАКА

03.05.2016

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

В середине апреля в московском театре Геликон-опера прошла премьера оперы «Доктор Гааз». Она напомнила зрителям о жизни и гражданском подвиге немецкого врача, который в первой половине 19 века делал для российских заключенных и других обездоленных примерно то же, что сегодня делают для них правозащитники.

Арестантская молва нарекла его в те годы «святым доктором». Полтора года назад Федора Петровича Гааза знали все московские старожилы, однако умер он в нищете и одиночестве. Во время похорон, устроенных за счет полиции, за его гробом шло 20 тысяч человек – невиданное количество при том, что во всей тогдашней Москве насчитывалось около 170 тысяч. Спустя сорок лет после смерти Гааза москвичи на пожертвования соорудили памятник знаменитому доктору. На нем был выбит девиз, которым руководствовался в своей жизни первый правозащитник заключенных и всех обездоленных: «Спешите делать добро!»

«У Гааза нет отказа» - говорили в 19 веке российские заключенные. На них он потратил все свое состояние и отдал им всего себя без остатка. «Святой доктор» задал такие высокие стандарты правозащиты, что их трудно поддерживать его сегодняшним последователям. А многие даже не слышали про своего легендарного предшественника. У микрофона член общественной наблюдательной комиссии Москвы, журналист-правозащитник Зоя Светова:

Дело в том, что правозащитное ... сообщество... и люди, которые входят в общественные наблюдательные комиссии – это люди совершенно из разных слоев общества. И я не уверена, что все люди, которые работают в этих комиссиях, они знают, кто такой доктор Гааз. Потому что в России вообще его, к сожалению, мало знают.

Сегодня в России имя Федора Петровича Гааза увековечено в названиях лишь нескольких улиц и учреждений. Среди них наиболее известна тюремная больница в Санкт-Петербурге, которая с незапамятных времен принимала арестантов со сложными и трудноизлечимыми болезнями. Сюда срочным этапом привозили заключенных из тюрем и лагерей со всего Советского Союза. Тех, которым ни на одной "больничке" помочь уже не могли.

Сейчас эта клиника физически не может удовлетворить потребности всей службы исполнения наказаний. По отчетам питерских правозащитников, «в больнице имени Гааза лимит наполнения всего 350 мест. Инфекционное отделение стандартно переполнено в разы. Здания - дореволюционной постройки, отсутствуют лифты, нет возможности для расширения. Такие отделения как челюстно-лицевая хирургия, офтальмология, нейрохирургия, обеспечивают все учреждения ФСИН России.»

«Если тебе очень плохо, найди, кому еще хуже, и постарайся помочь», - такова была жизненная установка Федора Петровича Гааза. Она служила ему источником душевных сил в критических ситуациях. По словам замечательного русского юриста и писателя Анатолия Федоровича Кони, Гааз «не жил для себя». И его деятельность не ограничивалась чисто врачебной помощью. Он известен многими своими делами: например, сконструировал для арестантов облегченные кандалы и настоял, чтобы ими заменили использовавшийся в те времена для этапирования каторжан железный прут с кольцами, в который просовывались руки 8—10 человек. «В такой ужасающе неудобной позе, - пишет Кони, - с затекшими конечностями, в постоянном сопровождении товарищей, людям приходилось до самой Сибири и спать, и есть, и справлять естественные надобности... Причём так страдали осуждённые за самые безобидные преступления — у «серьёзных» преступников были индивидуальные тяжёлые кандалы.»

Едва ли не полностью на свои деньги Гааз перестроил «Тюремный замок» - Бутырскую тюрьму. Впервые в камерах были сделаны окна, поставлен умывальник; можно было спать на нарах (до тех пор спали на полу).

В 1830 году Федора Петровича назначили членом тюремного комитета и главным врачом московских тюрем. С первых же дней он стал «справщиком» – ходатаем по арестантским делам. Между арестантом и вольным миром – считал доктор Гааз, – стоят не только каменные стены, но и живая стена тюремного начальства, занятого прямыми своими обязанностями, в лучшем случае – бездушного, черствого, почти всегда – равнодушного. Для тюремщика главное – поддержание и соблюдение порядка между всеми арестантами. Нужда, беда, тревога, право или интерес отдельной личности – ничто или почти ничто для тюремщика... Так рассказывал Анатолий Кони в своей знаменитой книге о жизни доктора Гааза.

«Справщик – пишет он, - это посредник между арестантом и внешним миром, не казенный, не замкнутый в холодные начальственные формы, а выслушивающий каждого дружелюбно – без досады, нетерпения или предвзятого недоверия. Справщик не должен прибегать к поспешной и безотрадной ссылке на не допускающий возражений закон. Закон и казенное правосудие за кипами протоколов не способны разглядеть в обвиняемом живого человека, а значит и не способны пробиться к основам правды, справедливости и высшего суда...»

Так воспринимал российскую тюрьму и российское правосудие доктор Гааз, такой он видел свою задачу. Он не был реформатором и тем более революционером. Но добился многого именно как «ходатай» по арестантским делам. Продолжая дело Гааза, сегодня такими справщиками-посредниками выступают правозащитники и члены общественных наблюдательных комиссий – в той мере, в какой им позволяет закон, чувство милосердия и собственное разумение. У микрофона Зоя Светова, член ОНК г. Москвы:

Можно сказать, что его дело в правозащитном сообществе продолжается. Потому что движение ОНК, то есть сама деятельность ОНК, общественных комиссий существует как известно с 2008 года, когда был принят закон о общественном контроле, за эти семь лет, что ОНК существует, уже сложился такой слой людей, которые действительно посещают тюрьмы и колонии не долгу службы, а действительно посещают их как настоящие правозащитники, как настоящие люди с милосердием в душе и делают это для того, чтобы помогать заключенным. И это не только в Москве, таких людей много в регионах. И они действительно, если можно так сказать, совершают такие человеческие подвиги, потому что они спасают людей от смерти, они добиваются, чтобы этих людей освобождали. Они

рассказывают обществу и власти о том, что этих людей пытаются в колониях или в СИЗО.

В результате своей подвижнической деятельности членам общественных наблюдательных комиссий иногда удается добиваться наказания сотрудников, виновных в злоупотреблениях служебным положением. Иногда удается изменить к лучшему положение отдельных заключенных. Сложнее воздействовать на системные проблемы, решение которых зависит от многих факторов и ведомств. Продолжает Зоя Светова:

Например, сейчас мы в московском ОНК добиваемся от власти, добиваемся от прокуратуры, от ФСИН, чтобы исправили ситуацию с переполненностью СИЗО Москве. В частности, с переполнением на 60 процентов женского СИЗО. Мы сейчас бьем тревогу, мы сейчас написали письма везде власть предержащим – и Путину, и во ФСИН, и в прокуратуру о том, что женщины в женском СИЗО сейчас спят на полу – то есть десятки женщин спят на полу, потому что не хватает места. Это тоже является по сути нарушением 3-ей статьи Европейской конвенции – пытки. Потому что в СИЗО-6 в Москве не имеют своего личного места, своего личного пространства – настолько это СИЗО переполнено.

В любое время и в любом обществе к заключенным относились как минимум настороженно. Однако в 19-м веке обычным явлением было, когда люди выходили на улицу проводить этап, подавали заключенным еду, деньги. Так делал и сам Федор Гааз. Сегодня обществу все труднее видеть в заключенном человека, заслуживающего милосердия.

Во времена доктора Гааза, когда заключенные ходили по этапам, известно, что люди приходили, давали им какие-то конфетки, денежку, то есть они их провожали. Ну, а сейчас невозможно представить себе, чтобы люди провожали заключенных на этап. ... И добиться, чтобы заключенным помогали, чтобы оказывали благотворительную помощь, например, какую-то гуманитарную помощь, очень трудно – у нас скорее помогают детям, сиротам, больным... что в принципе понятно. Но, что стараются делать члены ОНК, они стараются пробудить в обществе понимание того, что, во-первых, у нас много судебных ошибок... а кроме того пенитенциарная система у нас очень жестока. И условия содержания, они, несмотря на то, что все время говорят, что они улучшаются, но тем не менее, мы, когда ходим по СИЗО и по ИВС, мы видим, что условия довольно жестокие – очень много нарушений: и питание плохое, и есть СИЗО, где не соблюдаются приватность туалетов, то есть много нарушений таких... И правозащитники сегодняшние, они тем самым продолжают традиции доктора Гааза, даже если может быть они и не знают о том, что они продолжают его традиции, они стараются облегчить участь узников.

Одна из известных и возможно главных проблем в работе современных правозащитников – трудность в получении информации от заключенных – немногие решаются жаловаться, некоторые из опасения, что это может только ухудшить их положение. При этом давление на них может исходить как от администрации, так и от криминальной части тюремного сообщества. И только в тех регионах, где правозащитники наиболее активны, им начинают доверять, и мостик между тюрьмой и волей становится реальным и действенным. Продолжает Зоя Светова:

Особенно это происходит по отношению к тем членам ОНК, которые постоянно, день за днем, неделя за неделей, посещают одни и те же учреждения, и люди их знают, уже идет добрая слава об этих членах ОНК, и им начинают доверять. И им начинают жаловаться – и родственники жалуются, и адвокаты. То есть таким образом все-таки правозащитники получают информацию о том, что происходит в этих тюремных учреждениях и в колониях. За 7 лет существования ОНК уже известно, кто такие эти ОНК, кто эти люди, кто такие правозащитники. Мы видим, с другой стороны, что идет иногда такое мощное сопротивление, что те же, например, смотрящие или воры, они посылают к заключенным своих смотрящих, агентов, ... и они заключенных пугают, они говорят, не смейте жаловаться, не смейте ОНК ничего рассказывать. Потому что известно, что криминальные авторитеты в некоторых тюремных учреждениях сотрудничают с администрацией, а администрации совсем невыгодно, чтобы заключенные жаловались. ... И нам рассказывали заключенные, что так и

так на них оказывают давление, чтобы они ничего нам не рассказывали.

Вместе с тем, сейчас уже стало очевидным, что авторитет активных общественных наблюдательных комиссий вырос и в глазах сотрудников, и руководства службы исполнения наказаний. ОНК стали реально действующим инструментом, который помогает совершенствовать уголовно-исполнительную систему. Несмотря на недостаток полномочий, на который часто указывают правозащитники – например, хотелось бы, чтобы в следственных изоляторах им разрешалось беседовать с заключенными более свободно, в пределах видимости, но не слышимости, чтобы их рекомендации имели бы большую силу для руководства учреждений.

Есть надежда, что движение общественного контроля будет развиваться и дальше. «Ген доктора Гааза», как считает Зоя Светова, постепенно проникает в сообщество членов ОНК, а девиз «Спешите делать добро!» все больше становится руководством к действию.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.